

О.Ю. ЛОБАНОВА, А.В. СЕМЕНОВ

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ
В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: КАМПАНИЯ
«ЗА ЧЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ!» В ТЮМЕНИ**

События электорального цикла 2011–2012 гг. и связанная с ними политическая мобилизация стали не только магистральными темами в средствах массовой информации, но и важным материалом для анализа российского общества и происходящих в нем политических процессов. Ситуацию удивления исследователей хорошо отражают заголовок статьи М. Алексеевского «Кто все эти люди?» [Алексеевский, 2012] и многочисленные попытки дать «социологический портрет нового митингующего»¹ или инициативы по созданию исследовательской сети анализа митингов в регионах. В редакторской статье для журнала «Pro et Contra» М. Липман пишет: «Сдвиги в российском обществе ярко обозначились в конце прошлого года, когда рокировка первых лиц и грубые фальсификации на парламентских выборах *внезапно* привели к массовым акциям протеста» (Курсив наш. – Авт.) [Липман, 2012, с. 2]. Первое событие («рокировка») вызвало широкое обсуждение в российской блогосфере и было в значительной мере воспринято как неизбежное продолжение сложившегося в «нулевые» статус-кво [Рунет обсуждает, 2011]. Волна мобилизации накануне и после парламентских выборов 4 декабря 2011 г. стала одной из немногих общенациональных кампаний за последнее десятилетие. Десятки тысяч людей на уличных акциях «За честные выборы» показали,

¹ См., например, опросы и аналитические материалы Левада-Центра [Протестные движения, 2011–2012].

что российское общество отнюдь не монолитно, а заметная его часть выступает за перемены. Задача настоящей статьи – разобраться в причинно-следственной динамике протестных действий на локальном уровне на примере Тюмени.

Культура гражданско-политического протеста в России имеет длительную историю и широкий репертуар: от крестьянских восстаний в доиндустриальную эпоху, революций в начале XX в. до диссидентского и андеграундного движений советского периода. В период «перестройки» и гласности из-за отсутствия языка и надлежащих структур массовых протестов не происходило, сохранялись старые механизмы социально-политической мобилизации, которыми предпочитали пользоваться рядовые граждане. Только поляризация политических сил в 1993 г. запустила механизмы протестной мобилизации. Но даже на фоне острой политической борьбы на всем протяжении 1990-х годов основной категорией самоописания масс оставалось «терпение». Этот феномен Ю. Левада и Л. Гудков назвали «негативной мобилизацией», основа которого – ностальгия, сожаление об утраченном. Такая мобилизация носила диффузный характер, не была способна создать субъекта социального действия, общих ценностей. Массовый протест раз за разом становился инструментом в руках элитных группировок для борьбы между собой. Можно заключить, что уровень и качество гражданско-политической активности в постсоветской России неизменно падали по сравнению с периодом «перестройки». По данным «World Values Survey», если в 1990 г. 29,6% респондентов отмечали, что они участвовали в петиционных кампаниях (еще 44,1% отвечали, что могли бы), то в 2005 г. их количество составило лишь 7,7% (28,7% «могли бы»). Сравнительные исследования посткоммунистических трансформаций, впрочем, демонстрируют, что такая ситуация в целом была характерна в большинстве случаев [см., например: Swader, 2011, p. 63–94].

На этом фоне события 2011–2012 гг. отличалась как масштабом и интенсивностью, так и репертуаром гражданско-политической активности. Исследователи указывают на самые разные причины такой необычной для россиян активности. Гарвардский политолог Г. Хейл отмечает, что «несмотря на то, что многие обозреватели называли электоральную политику в России мертвой, внезапно и драматически она воскресла в декабре 2011 года», что связывается в первую очередь с изменениями в общественном мнении и струк-

туре возможностей [Hale, 2011, p. 2]. В. Гельман, также отмечая «неожиданность» поствыборной мобилизации, обращает внимание на стратегическое взаимодействие «режима» и «оппозиции» и приходит к выводу, что провал «электорального авторитаризма» не был предопределен, но стал следствием «стратегических ошибок правящей группы», в первую очередь – переоценки элитой возможностей «виртуальной политики» [Гельман, 2012, с. 111]. В условиях «вялой политической кампании», демонтажа некоторых региональных политических машин оппозиция смогла воспользоваться «окном возможностей» и мобилизовать довольно широкий слой граждан под знаменем «негативного консенсуса», что в целом повторяет оценку Г. Хейла. Проблема с такой интерпретацией заключается в том, что сам термин «оппозиция» вряд ли применим к гетерогенной группе оппозиционных деятелей, которые, конечно, сыграли свою роль в канализации протестной активности, но не более. Вопросом остается, почему протест вообще возник, в том числе, в регионах, которые традиционно отличались низким уровнем гражданско-политической активности. Альтернативное объяснение предлагает Г. Робертсон, американский политолог, который исследует протесты в посткоммунистических странах: он связывает мобилизацию с появлением на политической арене среднего класса [Robertson, 2012, p. 2–5]. Этот аргумент повторяет С. Фишер, указывая на изменения в массовых настроениях (вход на публичную арену городских жителей, осознающих необходимость реформ) [Fischer, 2012, p. 69]. Наконец, еще одна группа исследований делает акцент на роли молодого поколения и сети Интернет [Shevtsova, 2012, p. 19–32], возросшей роли социальных сетей в целом [Lonkila, 2012] и сервиса микроблогов Twitter в частности [Грин, 2012]. Но установки «среднего класса» отнюдь не во всем совпадают с «модернизационным вектором», а Интернет и социальные сети были в наличии задолго до начала кампании «За честные выборы».

Таким образом, консенсуса в объяснении политической мобилизации в России 2011–2012 гг. в исследовательской среде нет. Внимание исследователей в первую очередь было сконцентрировано на происходящем в Москве, в меньшей степени – в Санкт-Петербурге и других крупных городах, выход же нескольких тысяч, тем более – пары сотен людей в региональных центрах выглядел тускло на фоне такой массовости. Безусловными объединяю-

щими моментами стали символы протеста (например, устойчивое выражение «Партия жуликов и воров» и связанные с ним изображения) и негативный консенсус вокруг неприятия сложившейся политической системы. Однако конкретный анализ показывает, что региональный социум по-разному реагировал на события в столице: были задействованы разные организационные структуры для мобилизации, по-разному выстраивалась повестка дня, динамика активности и ее характер тоже отличаются от региона к региону. Поэтому исследование региональных случаев, на наш взгляд, позволит лучше понять истоки протестов и перспективы образования общенациональных социальных движений за перемены.

Перед мобилизацией: Политическая ситуация в Тюменской области накануне выборов 4 декабря 2011 г.

Политический контекст событий декабря 2011 – сентября 2012 гг. в регионах мало изучен российскими исследователями. Одна из попыток разобраться в множественности этих контекстов – исследование директора НИСП Н.Ю. Зубаревич – содержит лишь генеральную схему: разделение на «большие города», индустриальные центры, аграрную периферию и национальные образования [Зубаревич, 2011]. В этой схеме Тюменская область сочетает в себе признаки первой и третьей групп. Областная столица характеризуется довольно высоким уровнем жизни, развития инфраструктуры, интернетизации, в то же время за пределами Тюмени и второго по величине города региона – Тобольска – находятся аграрные районы. Политическая жизнь региона фактически сконцентрирована в областной столице, практически все резонансные события электорального цикла 2011–2012 гг. происходили именно здесь. В данном разделе нас интересует структура политических возможностей, сложившаяся накануне федеральных выборов декабря 2011 г. Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что в регионе, как и в стране в целом, происходили процессы, с одной стороны, отчуждения населения от принятия политических решений, с другой – роста общественной активности; в отсутствие механизмов обратной связи недовольство отдельных гражданских групп и сетей стало стремительно политизироваться на фоне сообщений о фальсификациях на выборах в Государственную думу,

что было использовано политическими партиями для максимизации собственной поддержки. Мы предполагаем, таким образом, что накануне массовой мобилизации следующие факторы сыграли решающую роль: характер межпартийной борьбы, особенности общественной активности¹ и возможности общественно-политических коммуникаций (особенности «публичной сферы») региона.

К 2011 г. в межпартийной ситуации сложился status quo с безоговорочным доминированием «Единой России», сосредоточившей в своих руках организационные, финансовые, медийные и другие ресурсы. Партия была представлена 30 депутатами из 34 в областном парламенте, сформировала механизмы контроля над легислатурами и органами исполнительной власти муниципалитетов, фактически монополизировала политическую повестку дня. Конкуренты «Единой России» последовательно вытеснялись на периферию общественно-политической жизни. «Справедливая Россия», располагая значительными финансовыми ресурсами, так и не смогла сформировать организационную структуру. В свою очередь, ЛДПР, имея развитую сеть местных отделений, не вышла за пределы решения частных вопросов. Обе партии в регионе время от времени осуществляли мобилизацию своих немногочисленных членов и сторонников на акции, необходимые для подтверждения медиаприсутствия. Довольно сильный в Тюменской области левый фланг – КПРФ и РКРП-КПСС (ранее РКРП-РПК) – монотонно терял свою базу поддержки, равно как и ресурсы для модернизации организаций изнутри, без которой невозможно представить их будущее. Ситуация в КПРФ осложнялась внутренними конфликтами, которые нередко становились публичными. Тюменское отделение РКРП, в свое время будучи основным инициатором протестной активности в регионе, также теряло электоральную базу, а идеология партии постепенно сближалась с консервативно-националистической повесткой КПРФ. Сама организация в значительной мере продолжала существовать благодаря авторитету

¹ В данном случае под «общественной» понимается деятельности, направленная на защиту или продвижение интересов социальных групп и их коалиций. Мы не используем здесь термин «гражданская», чтобы избежать нормативной нагруженности данного термина, так как не все участники «общественной» деятельности придерживаются гражданского этоса, принципов и моделей поведения [см. подробнее: Гражданское и политическое, 2013].

и ресурсам своего лидера – А.К. Черепанова. Либерально-демократический фланг после провала на выборах 2003 г. оказался практически полностью вытеснен: партия «Яблоко» в регионе растеряла базу поддержки, никакой публичной деятельности, кроме спорадического появления председателя отделения на разных мероприятиях и в прессе, не ведет, партия «Правое Дело», несмотря на некоторые организационно-финансовые возможности, так и не смогла консолидировать либерально-демократические силы. Таким образом, к 2011 г. на политическом рынке региона сложилась монополия, что лишало политиков и активистов стимулов к участию в альтернативных политических проектах¹.

Несколько раз политическими организациями региона предпринимались попытки сформировать коалиционные объединения, например, либеральные партии и гражданские активисты в апреле 2005 г. инициировали создание «Клуба 555» – площадки для обсуждения общественно-политической ситуации в стране и регионе, которая просуществовала 1,5 года. В 2010 г. после резонансного митинга против строительства подземного перехода в Тюмени и «распила общественных средств» был создан Совет инициативных групп и граждан (СИГГ) – коалиция партий, движений и инициативных групп. По состоянию на сентябрь 2012 г. в СИГГ входили РКРП, КПРФ, движение «Автономное действие», Партия народной свободы (ПАРНАС), партия «Воля», Левый Фронт-Тюмень, Союз воинствующих безбожников, инициативные группы против уплотнительной застройки, обманутые дольщики, ТОС 5-го микрорайона, профсоюз «Равенство», тюменские отделения Центра противодействия коррупции в органах государственной власти и движения «За права человека» и некоторые другие группы [Совет инициативных групп и граждан, 2012]. СИГГ сыграл важную роль во время кампании «За честные выборы». С самого начала доминирующее положение в коалиции заняли политические организации (РКРП, КПРФ и анархисты), гражданские активисты и инициативные группы появлялись на собраниях лишь время от времени. Организационная структура Совета и механизм принятия решений (как правило – простое большинство от числа присутствующих на собрании) оказались неэффективными в плане согласо-

¹ Подробнее об эволюции межпартийной ситуации в регионе см.: [Семенов, 2010, с. 179–191].

вания интересов различных политических групп внутри Совета. Тем не менее СИГГ стал важной площадкой для обсуждения и в некоторой степени координации протестных действий.

Общественная активность в период электорального цикла 2008–2011 гг. характеризовалась целым рядом кампаний. Активными участниками протестных действий являлись студенты, обманутые дольщики, родительская общественность и националисты. Среди наиболее резонансных вопросов оказались: безопасность и защита детей, ювенальная юстиция, транспортная реформа, кампания против коррупции, вопросы строительства (уплотнительная застройка, обманутые дольщики). Безопасность и защита детей включила в себя несколько направлений. Одним из наиболее успешных случаев общественной мобилизации в Тюмени за этот период можно считать случай пропажи 11-летнего ребенка Ани Анисимовой. В октябре 2010 г. девочка не вернулась из школы домой. В короткие сроки был создан штаб по поиску пропавшей девочки, в поисковых мероприятиях участвовали около 700 добровольцев, которые осматривали разные районы города, распространяли листовки в автобусах и магазинах. Спустя месяц поисков количество участников резко сократилось, на пикет, посвященный памяти пропавшим детям, пришли не более 50 человек. Кампания против ювенальной юстиции, а также в защиту православных ценностей проводилась под патронажем православной общественности, в частности «Тюменским городским родительским комитетом» (ТГРК), «Народным собором». «Родительский комитет» организовывал успешные протестные акции, на которых собирались до 100–150 человек. Так, 23 марта 2011 г. ТГРК в связи с приездом в Тюмень уполномоченного по правам ребенка П. Астахова организовал протестный митинг и пикет; 1 апреля 2011 г. возле офиса ЛГБТ-организации «Радужный дом» они провели пикет под лозунгами «Тюмень не содом!», «Сам диалог с гомосексуалистами – патология общества»; 31 августа 2011 г. ими проведен пикет против аборт. 17 августа 2012 членов «Родительского комитета» пришли на пикет в поддержку Pussy Riot, двое из пришедших держали плакаты, критикующие действия девушек. Лидеры К. Шестаков и С. Медведева вступали в полемику с организаторами и сторонниками группы. Совместно с казаками ТГРК предпринимал попытки срыва мероприятий своих противников (например, ЛГБТ-организаций, сторон-

ников Pussy Riot). Заметим, что «Родительский комитет» принял участие в событиях 10, 24 декабря 2011 г. и 4 февраля 2012 г.

Транспортная сфера также вызывала общественные недовольства и волнения. Водители частного и общественного транспорта устраивали митинги и сходы сначала против итогов конкурса на транспортное обслуживание, а затем за возвращение дотаций за перевозку льготников. 26 сентября 2011 г. около 80 человек приняли участие в митинге против транспортной реформы. Некоторые перевозчики в знак протеста не вывели транспорт на линию. Местные автомобилисты проводили автопробеги в знак протеста против повышения цен на бензин, увеличения пошлин на иномарки. Резонансным событием транспортной сферы стал студенческий митинг 15 мая 2010 г. против повышения цен на проезд: впервые за несколько лет студенты проявили массовую протестную активность, митинг привлёк внимание более 100 человек, его особенностью стало использование самодельных плакатов, ленточек и перформансов. Однако следующая протестная акция – пикет «Зайцам – нет» – собрал не более 15 человек.

Инициативные группы формировались также вокруг городских проблем. Так, на упоминавшийся ранее митинг против строительства подземного перехода в октябре 2010 г., организованный внепартийной группой «Общественный фронт сопротивления распилу», собралось 250–300 человек – рекордное количество участников для гражданских акций за период 2008 – первую половину 2011 г. [Отчет с митинга против распила городского бюджета, б. г.]. Неоднократные митинги протеста проводили обманутые дольщики недостроенных объектов НТЦ, ООО «Сиб-Строй» [Дольщики ООО «Сиб-Строй» завтра выходят на площадь, б. г.]. Главной целью митингов и пикетов, собиравших до 100 человек, было давление на региональную власть и привлечение к проблеме внимания федеральной власти. Несколько раз дольщики встречались с представителями местной власти, на их требования реагировали губернатор и вице-губернатор. Позднее некоторые дольщиков из «НТЦ» приходили с плакатами на митинги «За честные выборы». Другой проблемой стала уплотнительная застройка, спровоцировавшая сходы граждан на улицах Первомайская, Седова, Коммунаров, Логунова, Воровского. Инициативная группа (Совет координаторов за полное прекращение точечной застройки Тюмени) занималась сбором подписей против возведения новых объектов, встречалась с представи-

телями администрации города [23 мая в органы власти публично передадут подписи против точечной застройки в Тюмени, б. г.].

В 2010–2011 гг. в общественной жизни города стали заметны русские националисты. Одно из первых объединений националистов произошло на фоне событий на Манежной площади в декабре 2010 г. Была создана группа «Вконтакте» по проведению акции солидарности с Москвой. Вскоре после этого тюменские националисты присоединились к общероссийской акции «Русские пробежки», в ходе которой не только бегали по центральным улицам города, но также распространяли информацию о здоровом образе жизни, стикеры и наклейки следующего содержания: «Русский значит трезвый»; «Курение для недочеловеков»; «Не дай себя уничтожить». Постоянное число участников не превышает 30–50 человек, однако имеет тенденцию к увеличению.

Местные экологи и зоозащитники провели несколько акций, посвященных вопросам ухудшения экологической ситуации и этического отношения к животным. Наиболее известными акциями стали «Пустые клетки» с призывом бойкотировать цирк (около 50 человек, 26 мая 2010 г.), «Зеленая волна» затронула вопросы плохой экологии и вегетарианства (30 человек, 2 октября 2011 г.)

В целом в Тюмени наблюдалось постепенное нарастание гражданско-политической активности. Подсчеты количества протестных акций, произведенные по материалам СМИ, уведомлениям в городские органы власти и листам наблюдения, показывают, что с 2008 по 2011 г. количество публичных протестных акций выросло в два раза (см. рис 1).

Наконец, немаловажным фактором стало качество публичных коммуникаций по вопросам общей значимости. К 2011 г. в публичной сфере сложился определенный status quo: ресурсные общественные организации были либо инкорпорированы в административно-бюрократическую систему при помощи создания таких площадок, как областной Гражданский форум и Общественный совет г. Тюмени, либо вытеснены из общественно-политической жизни. На официальных площадках для обсуждения и предъявления требований решения власти не оспариваются, но легитимируются в обмен на те или иные частные блага. В свою очередь, ведущие СМИ региона оказались под прямым или косвенным управлением органами государственной власти: с помощью разнообразных механизмов (от финансирования до прямого давления на

редакции и журналистов) исполнительная власть смогла подчинить себе повестку дня, что привело к ликвидации профессиональных стандартов и распространению практики самоцензуры.

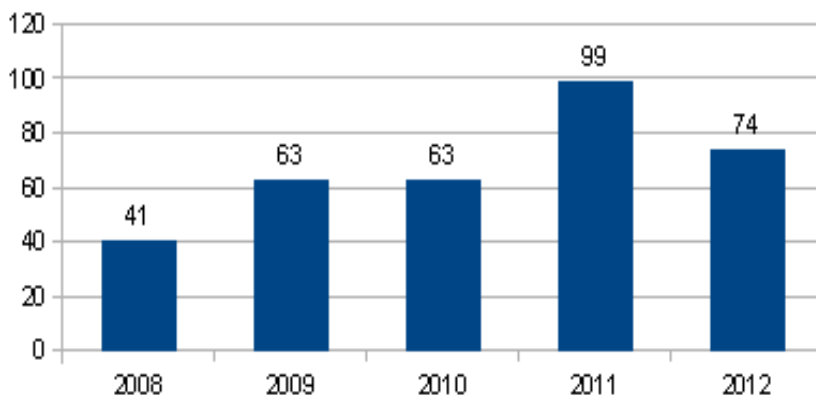

Рис. 1. Количество протестных акций с 2008 по 2012 г.

Источник: подсчеты авторов.

Все три фактора – характер межпартийной борьбы, общественная активность и особенности публичной сферы региона – стали важной составляющей контекста политической мобилизации. Монополистическая структура политического конфликта, с одной стороны, лишила стимулов доминирующего игрока к утверждению своих позиций (представители ЕР были уверены в собственной победе, потому не стали предпринимать серьезных усилий для подтверждения своей популярности, в результате вынуждены были следовать за событиями на митингах). С другой стороны, вытеснение на периферию других политических партий заставило их группироваться (как в случае с СИГГ) либо выйти из игры («Правое Дело», «Яблоко»), в то же время лишив их возможности утвердить собственную социальную базу поддержки. Организационные ресурсы этих партий на начальном этапе протестной волны оказались полезными активистам для оформления заявок на публичные мероприятия и юридическое сопровождение во время работы наблюдателей. В дальнейшем партии практически захватили протестную повестку дня в надежде получить дополнительные ресурсы и тем самым де-

мобилизовали значительную часть активистов. Сформированные во время различных общественных кампаний сети позволили, в свою очередь, создать основу для более эффективной мобилизации: участники кампаний уже имели опыт публичных акций и взаимодействия с властью, таким образом, им было легче решиться использовать стратегию «голос» в декабре 2011 г. Наконец, традиционные институты публичной сферы, будучи подчинены логике администрирования и деполитизации, вынудили перевести бо́льшую часть коммуникации по общественно-значимым вопросам в Интернет, в частности, в популярные блоги и социальные сети, что и обусловило их важную роль в процессе мобилизации.

Динамика гражданско-политической активности в Тюмени в декабре 2011 г. – сентябре 2012 г.

Протестная волна, связанная с пересмотром результатов парламентских выборов, началась с планового митинга 5 декабря 2011 г. Организаторы выражали сомнения в результатах выборов, ссылаясь на нечестность избирательного процесса и нарушения во время голосования. Митинг собрал от 150 до 200 человек, его ключевой особенностью стали выступления множества внепартийных граждан, бывших наблюдателями на выборах. Откликнулся на это событие губернатор области, который заявил о том, что оппозиционерам «не успели команду дать – что запланированные акции проводить не надо» [Губернатор высказал свое мнение о митинге, 2011].

В течение недели после выборов публичная протестная активность переходит в новое качество: нарастает напряжение, в сети публикуются свидетельства наблюдателей и видеоролики о нарушениях, результаты exit-polls, воззвания к силовым органам не допустить насилия и т.д. 10 декабря на Центральной площади Тюмени проходит «сход граждан» («несанкционированный митинг» с точки зрения муниципалитета). Организаторы – беспартийные активисты – подавали заявление как на митинг, так и на пикет, но согласования не получили. Активисты также создали группу «ВКонтакте» «Тюмень против фальсификации выборов»¹,

¹ Впоследствии группа была переименована в «Против партии жуликов и воров. Тюмень».

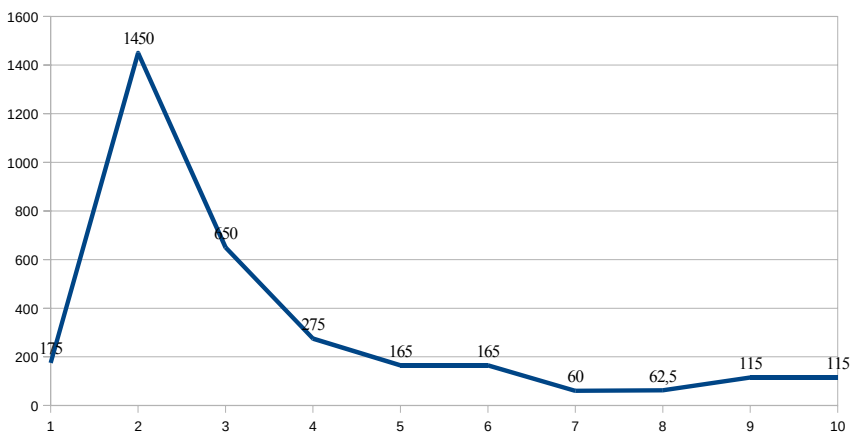
к 10 декабря она насчитывала более 4,5 тыс. участников. Несмотря на отсутствие согласования с администрацией, в группе и на других сетевых ресурсах распространялась информация о проведении мирного собрания граждан без лозунгов и плакатов. Администрации нескольких вузов говорили о недопустимости участия студентов в «несанкционированном митинге». Среди студентов распространялся слух о возможных отчислениях в случае участия в сходе. В итоге на несогласованную с городскими властями акцию собралось 1200–1500 человек (см. рис. 2).

Состав участников достаточно сложно охарактеризовать, однозначно наблюдатели зафиксировали лишь разнообразие по возрасту. Сам «сход» был разогнан отрядом ОМОН, 37 человек были задержаны для проведения «профилактической беседы» и отпущены в тот же день. Второй раз задержанных на площади приглашали в Комитет по делам национальностей, где с ними беседовал начальник комитета. Тюменский ГУВД попытался нивелировать эффект от схода, назвав событие «городским флеш-мобом».

24 декабря на фоне 100-тысячной акции на проспекте Сахарова в Москве в Тюмени митинг собрал в рамках общероссийской акции протеста от 500 до 600 человек, в нем участвовали представители всех оппозиционных сил: левых, националистов, демократических сил, гражданских активистов. Большинство последних пришли с самодельными плакатами. Этот митинг был «пиковым» по количеству участников (не считая схода 10 декабря), далее численность снижалась.

На митинге были многочисленная символика (флаги, белые ленточки, шарфы) и раздаточный материал (газеты, листовки, брошюры). Гражданские активисты использовали самодельные плакаты, зачастую с ироничным содержанием. Вопросам легитимности парламентских выборов было посвящено более половины от общего числа плакатов. В них выражалось сомнение в честности выборов, в правильном подсчете голосов. Основными адресатами являлись ЦИК и его председатель В. Чуров, а также областная избирательная комиссия (« $2 + 2 = 62,2?$ », «*Хотим голосовать сами*», «*У меня пропал голос*»). Фразы на тему проплаченной оппозиции присутствовали на каждом пятом плакате («*Я здесь бесплатно*», «*Чуров, где наши голоса? ГОСДЕП, где наши деньги?*»). Такое же количество набрали проблемы, связанные с коррупцией и экономической отсталостью страны («*Жулик, не воруй*»). Были плакаты,

адресованные В. Путину («*Потерял доверие – в отставку*») (с изображением Путина), а также содержавшие общегражданские лозунги («*Мы ждем перемен*», «*Запрещено запрещать*»). Плакаты держали, в основном, молодые люди в возрасте 20–27 лет. Подготовка к митингу ознаменовалась рядом задержаний и попыткой тюменских вузов отвлечь студентов от протестной деятельности. 23 декабря при проведении флеш-моба по раздаче листовок сотрудниками по противодействию экстремизма для «беседы» были задержаны организаторы митинга. В день проведения митинга ТюмГУ предложил студентам и преподавателям провести отдых на лыжной базе «Жемчужина». Возле корпусов университета ждали автобусы, забиравшие всех желающих.

1 – 5 декабря 2011 года; 2 – 10 декабря 2011 года; 3 – 24 декабря 2011 года; 4 – 4 февраля 2012 года; 5 – 25 февраля 2012 года; 6 – 5 марта 2012 года; 7 – 17 марта 2012 года; 8 – 06 мая 2012 года; 9 – 12 июня 2012 года; 10 – 15 сентября 2012

Рис. 2. Динамика участия в публичных протестных акциях в Тюмени (декабрь 2011 г. – сентябрь 2012 г.), человек

Источник: подсчеты авторов.

Новый этап протестной активности связан с событиями 4, 25 февраля и 5 марта. На этом этапе стремление участвовать в протестных действиях у «рассерженных горожан» еще не утрачено, но заметно уменьшилось. Это сказалось на численности протестующих, которая 4 февраля не превышала 250–300 человек. Протест-

ный потенциал поддерживался за счет прошлого эмоционального вовлечения и предстоящих президентских выборов. Организация протестов постепенно переходит из рук гражданских активистов к партийным. В это же время сторонники действующей власти проводят контракции, направленные на легитимизацию результатов выборов и поддержку Путина.

Подготовка к митингу 4 февраля вызвала разногласия среди его организаторов и потенциальных участников: проблемными точками стали вопросы о роли партий в кампании «За честные выборы» и список выдвигаемых требований. На обсуждение в СИГГ был поставлен вопрос о рисках монополизации гражданского протеста партийными активистами и возможном снижении мобилизации. Анархисты полагали, что недовольство «рассерженных горожан» вызывали не только «Единая Россия», но и остальные партии. В качестве аргумента приводились протестное голосование и плакаты с надписями «Я голосовал за других сволочей» [Почему на митинге 4 февраля не будет красно-черных флагов?, б. г.]. Обилие партийной символики мешало идентифицировать протест как общегражданский. Аргументы РКРП и КПРФ сводились к тому, что, во-первых, необходимо ясное выражение политической позиции, во-вторых, на митинге присутствуют сторонники этих партий. Было решено, что партийная символика может появиться через полчаса после начала митинга. Анархисты отказались приносить собственные флаги и вместо этого решили провести на митинге акцию «Еда вместо бомб». На другой дискуссионной площадке ключевым вопросом стало изменение характера протеста с политического на социальный. Сторонники последнего мотивировали, что результаты парламентских выборов не пересмотрят, а потенциал у социальных требований гораздо больше, чем у политических. «Совет инициативных групп и граждан» решил соотнести резолюцию митинга с меняющимся политическим контекстом и сфокусироваться на предстоящих президентских выборах. (Реально изменение повестки протеста с политической на социальную происходит осенью 2012 г.) К пунктам резолюции 24 декабря были добавлены новые требования: идти наблюдателем на выборы, не голосовать за Путина, зарегистрировать Г. Явлинского в качестве президента. Также митинг 4 февраля планировалось совместить с шествием. Впрочем, последнее не было согласовано с администрацией города, которая указала на холодную погоду в назначенное

время. Подобное обстоятельство было воспринято активистами как давление со стороны власти [Администрация Тюмени запретила проведение шествия «За честные выборы», 2012].

На митинг 4 февраля пришли около 250–300 человек, среди которых были анархисты, коммунисты, демократы и националисты. По сценарию проведения и наличию гражданской атрибутики (свободный микрофон, самодельные плакаты) митинг не отличался от предыдущих акций. Однако на нем была нарушена серия договоренностей среди организаторов. Во-первых, коммунисты не исполнили «условие 30 минут» и развернули часть своей символики. Во-вторых, при принятии резолюции Максим Шульц, член КПРФ, кроме требования «Ни одного голоса Путину» выдвинул «Ни одного голоса правым, например, Прохорову». Все это вызывало раздражение. Один из участников группы «ВКонтакте» так прокомментировал ситуацию: *«ОРГАНИЗАТОРЫ. Я не для того месяца сидел на форумах, писал статьи и информировал людей прийти на митинг, чтоб в результате на нем рекламировать КПРФ¹»*. Требование «ни одного голоса Прохорову» не было поддержано в окончательном варианте резолюций.

Реакцией региональной власти на политическую активность оппозиции стал контрмитинг «За достойные выборы» (до 3 тыс. участников), организованный Тюменским областным советом профсоюзов (в блогосфере он получил название «Путинг»). В некоторых случаях применялся административный ресурс, в частности, принуждение работников прийти на площадь. На сайте ТюмГУ появилось обращение к преподавателям и студентам «поддержать кандидата», что значительно отличалось от недавней реакции на оппозиционные события [Профсоюзы зовут на митинг!, 2012]. Визуально митинг напоминал городской праздник: над площадью 400-летия висел воздушный шар с надписями «За Путина», были полевая кухня и выступление артистов. Попытки оппозиции стоять с плакатом «Нечестные выборы – нелегитимная власть» и раздача листовок были пресечены сотрудниками Центра по противодействию экстремизму.

25 февраля под красными флагами прошло шествие, в котором участвовали и гражданские активисты, и митинг «За честные

¹ Из комментария участника группы «Тюмень против фальсификации выборов» от 4 февраля 2012 г.

выборы». Количество участников не превышало 70 человек, что было минимальным показателем за предыдущий период активности. Как и в прошлый раз, организаторам не удалось согласовать шествие с городской администрацией, однако это не помешало протестующим пройти по центральной улице города. Участники предположили, что власти в преддверии выборов не будут использовать репрессивные механизмы и участие в несанкционированном шествии окажется более или менее безопасным. В этот раз заметно поменялся состав участников: доминирующее число коммунистов при незначительном количестве гражданских активистов. Акцию поддержал незарегистрированный профсоюз «Антипинского НПЗ», который в конце прошлого года обратился за поддержкой к КПРФ. Митинг прошел под лозунгами «Путин – не Россия», «Путина к ответу! Правительство в отставку». Резолюция митинга поднимала вопросы фальсификации парламентских выборов, регистрации оппозиционных партий и ужесточение наказаний за препятствие в проведении публичных мероприятий [Шествие в Тюмени, б. г.].

Результаты президентских выборов спровоцировали новые публичные акции. На следующий день после оглашения итогов, 5 марта, прошли сразу две массовые акции, преследующие противоположные цели. В начале дня около 1,5 тыс. человек, в основном представители бюджетной сферы, собрались на митинг в поддержку Путина «Чистые выборы – чистая победа». На митинге выступили губернатор, депутаты-единороссы, а также представители организации «Юристы за чистые выборы», которые отметили, что голосование прошло без нарушений, а попытки провокаций в сети Интернет были пресечены.

В этот же день гражданские и партийные активисты решили повторить успех декабрьского схода. Обсуждалась идея взять в «живое кольцо» здание правительства Тюменской области, если количество участников превысит 500 человек. Однако в отличие от схода по пересмотру парламентских выборов на обсуждение итогов президентских выборов пришло практически в 10 раз меньше участников (160–180 человек). На сходе выступили депутаты и партийные лидеры от коммунистических партий (Т. Казанцева, В. Тетекин, А. Черепанов), наблюдатели от М. Прохорова. Они делились общими впечатлениями от избирательного процесса, рассказывали о фактах нарушений на выборах и противодействия им. Присутствующие на сходе активисты «Молодой гвардии» в

качестве контрдействий снимали происходящее на видеокамеру, затем смонтированный ролик был выложен на сервисе YouTube. В нем митингующие были показаны как небольшая группа неопрятно одетых людей, некоторые из них употребляли алкоголь под песню «Кайфуем, сегодня мы с тобой кайфуем».

В период мая – конца сентября в городе проходят «Марши миллионов». Их организация и повестка дня полностью переходит к коммунистическим партиям. Протесты возвращаются к прежним (додекабрьским) ритуализированным формам, когда основной целью ставится демонстрация публичного присутствия партий. Из кампании «За честные выборы» выходят прошлые участники – националисты, анархисты, демократы. Происходит широкая демобилизация «рассерженных горожан», а небольшое количество оставшихся продолжают посещать митинги, идентифицируя себя со столичным движением, а не с тюменскими оппозиционерами.

17 марта коммунистический митинг «Россия требует перемен» собрал около 80 сторонников партий. Участники держали красные флаги и плакаты «Наше будущее – социализм», «Капитализм это рабство». Выступающие с трибуны настаивали на пере выборах, критиковали фильм «Анатомия протеста»; А. Кораблев, член «Союза воинствующих безбожников», требовал освободить участниц группы Pussy Riot. На этом митинге практически не было беспартийных участников кампании «За честные выборы». Эта ситуация повторилась и на «Марше миллионов» 6 мая, который привлек около 60 человек. Традиционным оказались состав выступавших и риторика протеста: освещение социальных проблем (низкий уровень жизни, несоблюдение трудовых прав), призывы к революции, критика В. Путина. Активисты пытались скандировать «Путин, лыжи, Магадан», «Россия станет свободной», публика не очень активно поддерживала лозунги.

По примеру столичных «Контрольных прогулок» 8 и 13 мая в Тюмени прошли свои «Прогулки», собравшие не более 20 человек. 8 мая участники «гуляли» по центральным улицам, некоторые принесли с собой белые ленточки. 13 мая целью прогулки стал сбор денег на адвоката гражданскому активисту Н. Ламбину. Н. Ламбин, один из организаторов группы «ВКонтакте» «Тюмень против фальсификации выборов», принимал активное участие в организации схода 10 декабря. 12 мая в его машине сотрудниками полиции были найдены наркотики, что послужило основанием для возбуждения уголовного дела.

12 июня одновременно состоялись митинг в поддержку «Марша миллионов» и день траура по Советскому Союзу. Митинг прошел под транспарантами «Российская коммунистическая рабочая партия», «Российский объединенный трудовой фронт». В честь траура на красных флага появились черные ленты. Во время выступления лидера РКРП А. Черепанова несколько участников митинга начали кричать «Скучно, люди уходят», за что были названы выступавшим провокаторами. Завершением кампании стал «Марш миллионов» 15 сентября 2012 г., в котором участвовали около 100–120 человек. По своему содержанию он практически не отличался от прошлого митинга. Августовская акция в поддержку Pussy Riot вызвала гораздо больший резонанс в гражданско-политической среде, будучи организованной гражданскими активистами.

Социально-политический портрет участников протестной активности в Тюмени

Важным исследовательским вопросом для нас стал состав участников кампании «За честные выборы», который во многом отличался от состава традиционных протестных мероприятий. Социально-политический портрет митингующих был составлен на основе опроса, проводившегося 4 февраля на митинге «За честные выборы!». Количество участников составило не более 300 человек. Были опрошены 83 респондента, получено 76 анкет, отказов не зафиксировано. Основной целью опроса стало сравнение с замерами, проводившимися «Левадой-Центром» в Москве, в дальнейшем данные также сранивались с опросами группы «Среда. орг» в Москве, агентства «Столица Нск» в Новосибирске и данными группы «Вконтакте» «Тюмень против жуликов и воров»¹. Результаты сравнения весьма условны – размеры выборки и генеральной совокупности разные – однако дают некоторое представление о портрете митингующих.

Распределение участников по полу является стабильным: данные по всем трем городам свидетельствуют о преобладании мужчин (на 15–20%) среди участников протестных акций (табл. 1).

¹ Данные группы ВК даны по состоянию на 2 мая 2012 г. Количество ее участников постоянно сокращается.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу, %

Город	Москва (Левада-Центр)		Тюмень (НЦИСО)	Москва (Sreda.org)	Новосибирск (Столица Нск)	Группа ВК (Тюмень)
Пол / дата	24 декабря	4 февраля	4 февраля	10 марта	12 июня	26 мая
мужской	60	65	60,5	65	65	65
женский	40	35	39,5	35	35	35

Источник: Левада-Центр (Москва), «Среда. орг» (Москва), «Столица Нск» (Новосибирск), НЦИСО (Тюмень).

По возрасту тоже наблюдаются закономерности: если отталкиваться от распространенного мнения, что основу протеста составила молодежь, необходимо отметить, что эта молодежь оказалась довольно взрослая (от 25 до 50 лет – преобладающее количество участников, более 50%). Конечно, категория лиц до 25 лет составила значительную часть участников (1/3 в Тюмени), в то же время большинство – те, кто уже выпустился из университетов и работает. Стабильна и группа людей в возрасте от 55 и старше (см. табл. 2). Гораздо моложе оказались участники протестной группы «ВКонтакте»: там возраст более чем половины подписчиков не превышает 24 лет, что вполне объясняется аудиторией данного ресурса.

Таблица 2

Распределение респондентов по возрасту, %

Город	Москва (Левада-Центр)		Тюмень	Группа ВК (Тюмень)
Возраст / дата	24 декабря	4 февраля	4 февраля	26 мая
18–24	25	21	31,6	56
25–39	31	37	31,6	25
40–54	23	23	15,8	1
55 и старше	22	20	21,1	<1

Источник: Левада-Центр (Москва) и НЦИСО (Тюмень).

Большинство участников либо имеют, либо получают высшее образование, что также соотносится с данными «Левада-Центра», группы «Среда» и «Столица Нск», гипотеза о том, что на улицы вышла, по большому счету, образованная часть населения, подтверждается. Профессиональный статус относительного большинства в тюменском случае – специалисты – 43,4%. Среди опрошенных также оказались владельцы собственного бизнеса, руководители, студенты. В связи с особенностями опросника в нашей выборке почти не оказалось пенсионеров (они записывались либо как «специалисты», либо как «рабочие»), тогда как по данным «Левада-Центра» их доля составила 11%. Тем не менее можно констатировать, что относительное большинство участников митинга в Тюмени имеют независимые источники дохода.

Косвенно на это указывает и распределение респондентов по социальному положению: около половины (50%) респондентов могут позволить себе товары длительного пользования и даже больше. В то же время 43% в тюменской выборке и 32% в московской можно отнести к бедным слоям населения, что идет вразрез с весьма распространенной точкой зрения о среднем классе как доминирующей социальной силе кампании.

Таблица 3

Распределение респондентов по виду деятельности, %
Источник: Левада-Центр (Москва) и НЦИСО (Тюмень)

	Москва, 4 февраля 2012 г.	Тюмень, 4 февраля 2012 г.
Владелец собственного бизнеса	9	10,5
Руководитель	14	12,1
Специалист	36	43,4
Офисный служащий	0	6,6
Работник торговли / сферы услуг	0	2,6
Рабочий	7	2,6
Студент	11	11,8
Никогда не работал(а) – домохозяйка	2	6,6
Пенсионер	11	2,6
Безработный	3	0
Служащий без специального образования	6	0

Таблица 4

Распределение респондентов по социальному положению, %

	Москва, 4 февраля 2012 г.	Тюмень, 4 февраля 2012 г.
Нам не хватает денег даже на питание	2	1
Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду	5	12
Нам хватает денег на питание и одежду, покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы	25	30
Мы можем покупать некоторые дорогие вещи, такие как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль	41	24
Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что не стеснены в средствах	24	25
Мы можем ни в чем себе не отказывать	3	6

Источник: Левада-Центр (Москва) и НЦИСО (Тюмень).

Респонденты в качестве источника информации предпочитают Интернет, тем не менее телевидение остается значимым ресурсом для трети опрошенных (по большей части – лица старше 55 лет, среди которых интернет-изданиями пользуются 37%, а телевидением и газетами – около 60%). Для сравнения по данным «Левада-Центра» телевидение используют лишь 17% опрошенных, предпочитая ему не только Интернет, но и радио (25%), друзей и близких (34%). В то же время Интернет вряд ли можно назвать площадкой для интенсивного обсуждения политических вопросов: большинство опрошенных в Тюмени предпочитают обсуждать эти вопросы в близком кругу – с друзьями и родственниками. В Интернете обсуждали эти вопросы не более трети респондентов. Можно констатировать, что эмоциональное заражение, выведшее людей на улицы, формировалось в близком кругу и подтверждалось его реакцией на события.

Результаты опроса говорят о критическом настрое участников публичных акций к действующему режиму. На открытый вопрос по поводу мотивов выхода на акцию мы получили 102 варианта ответа, наиболее крупные блоки: несогласие с итогами выборов (15 ответов) и выражение своей гражданской позиции

(11 ответов). Большая часть остальных ответов касалась несогласия с политической ситуацией в стране (ответы «беззаконие», «беспредел властей», «несогласие с текущим политическим курсом / позицией правительства / В. Путиным»). Можно заключить, что основной мотив выхода на акции протеста имеет четкий гражданско-политический окрас. Это подтверждается анализом проблемной повестки дня: на открытый вопрос: «Какие три основные проблемы волнуют вас больше всего в стране?» – было получено 130 вариантов. Однозначный лидер – «коррупция» (21 ответ), группировка остальных ответов позволяет заключить, что для участников проблемная повестка – это в первую очередь политическая повестка (ответы «отсутствие демократии / свободы слова / права выбора / права голоса», «нарушение Конституции / прав человека», «беззаконие», «политическое устройство», «ложь властей», «развал страны», «узурпация власти» и т.д.), лишь отчасти – социальная («большие цены», «низкие пенсии / заработные платы / уровень жизни», «перспективы молодежи», «трудоустройство»). Можно предположить, что социальная повестка дня не актуализировалась в силу подчеркнуто политических целей митинга, однако опрос на митинге сторонников В. Путина 18 февраля, в свою очередь, показал, что его участники почти не упоминают политических проблем, в основном – социальные¹. То есть «политическая заряженность» участников оппозиционных акций была заведомо выше, даже несмотря на отсутствие консенсуса по поводу приоритетных проблем и их точных формулировок.

Рефрейминг политических возможностей участников протестных митингов в Тюмени

Политическая мобилизация на протяжении всей кампании происходила также на когнитивном уровне – фреймы (интерпретативные схемы) способствовали рекрутированию участников в про-

¹ Опрос проводился на митинге 4 февраля в поддержку кандидата в президенты В. Путина, всего участников было около 3 тыс. человек, опрошено 84 человека, 32 отказались отвечать.

тестные действия¹. Для анализа фреймов мобилизации мы обращались к аналитической схеме, предложенной Р. Бенфордом и Д. Сноу, которая содержит три этапа фреймирования: диагностический, прогностический и мобилизационный [Snow, 2000].

Диагностический этап движения «За честные выборы» включал в себя два центральных фрейма: фрейм изменений, выражавшийся в ожидании проигрыша партии власти и фрейм несправедливости, последовавшей за оглашением итогов выборов. Фрейм изменений начал складываться еще до первых протестных акций: парламентские выборы у многих респондентов были связаны с ожиданиями предстоящих перемен в раскладе политических сил, вызванными низкой поддержкой «Единой России»:

«Они свой ресурс инициатив исчерпали, и уже обновлять пора. Я прекрасно понимал, что они начинают перед Медведевым завираться. Понимал, что вот сейчас наберут мало и поймут, что они неправильно делают».

На наш взгляд, фрейм изменений стал узловым в движение «За честные выборы»: хотя требования «честных выборов» были самыми популярными на зимних митингах, но они, скорее, выражали озабоченность «украденными переменами», а не «голосами». Фальсификации были ожидаемыми действиями власти, однако не должны были привести к абсолютной победе «Единой России», что должно было привести к изменениям. Такое мнение протестующих поддерживалось благодаря ближнему кругу общения, когда большинство знакомых были недовольны и / или голосовали против партии власти.

После того, как изменения не произошли, возник фрейм несправедливости, который был связан не с процедурами проведения (например, высокими барьерами или снятием кандидатов), а с их результатами, противоречащими внутренним ожиданиям. Нарушения и фальсификации выборов не явились внезапными и удивительными для респондентов: подобные практики отмечались и в прошлых избирательных кампаниях, но как видимая социальная проблема они стали лишь в конце 2011 г.:

¹ Фреймы – это набор «ориентированных на действие убеждений и значений, которые вдохновляют участников и легитимируют деятельность социальных движений и кампаний» [Яницкий, 2012].

«Дело не в нечестности. Не возмущение нечестностью выборов меня туда вывело. Нечестность выборов, к счастью или к сожалению, меня не удивляет. Это повседневность».

Оценка «честности» выборов связана с допустимым «порогом честности», определяемым участниками благодаря «ближнему» кругу общения (друзья, знакомые) и коммуникативному фону (социальные сети, блоги). Протестующие по-разному оценивали шансы партии власти на победу, но для многих решающим фактором стало преодоление 50%-ного рубежа. Подобные итоги противоречили «ставкам» обычных граждан и референтным для них группам:

«Вообще, перед выборами в сознание сидело, что “Единая Россия” должна набрать меньше половины. Больше половины, полюбому, – это фальсификация. По ощущениям так было. Они набрали где-то 50% с небольшим. Вроде как бы ожидаемо, но вроде какой-то перебор».

Понимал, что они вот сейчас наберут мало и поймут, что они неправильно делают. У меня до выборов, с друзьями разговаривали, была установка такая, что они, если снова наберут как в прошлый раз, очевидно будет, очевидно 100%, что это будет полная фигня. Подделка полная. Не может быть, что страна жила так хорошо в 2007 и сейчас так голосуют. У меня была установка, что если наберут много, то я однозначно иду на какой-то митинг. Если наберут 30–40%, то в принципе так оно и есть» (Участник митинга 10 декабря, май 2012 г.)

Протестующие были убеждены в фальсификации выборов, которые из-за невысокой популярности «Единой России» имели более широкие масштабы, чем в предыдущей электоральной кампании. В результате «недовольные» стали искать и распространять информацию о выборах, подтверждающую их позицию: видеосюжеты с избирательных участков, заметки и комментарии о деятельности партии власти, политический юмор. Этим объясняется зафиксированный декабрьский всплеск сообщений на политические темы на их страницах «ВКонтакте»¹: публиковались личные впечатления от новостей, мемы и карикатуры на политиков и пар-

¹ Нами был проанализирован 361 профиль из 2190 участников группы «Против партии жуликов и воров. Тюмень» социальной сети «ВКонтакте». Отбор производился методом случайной выборки.

тии (в основном – ЕР), видеоролики. В марте 2012 г. подобной волны сообщений в большинстве просмотренных профилей уже не было, фокус смещается на развлекательные темы, обычные для данной социальной сети.

На прогностическом этапе респондентами конструировались различные сценарии выхода из ситуации, вызвавшей недовольство: выдвигались стратегии возврата «голоса» путем отмены итогов выборов на некоторых участках или повсеместно, назначение перевыборов, наказание виновных. Впрочем, общее представление о тактике и стратегии действий так и не сложилось. На мобилизационном этапе происходит рационализация коллективных действий, в частности, возникали фреймы нарушения статус-кво, массовости протеста и открытости возможностей. Участие в гражданских протестах воспринималось респондентами как нарушение прежнего положения и запрос на альтернативы: победа партии власти означала неизменность курса и отсутствия перемен, ради которых «недовольные» были готовы отказаться от прежнего статус-кво, т.е. условия, при котором государство не вторгается в личную жизнь граждан, а последние не вмешиваются в деятельность государства. Выход на улицы ознаменовал «разрыв» подобной договоренности, отчасти поэтому актуализировалась гражданская риторика: протестующие описывали себя и собственные действия в категориях «гражданин этой страны», «гражданский долг» и пр.

«Было желание показать, что я знаю, что мне вали. Показать, что я есть. Может быть, даже изменить что-то. Чтобы нас увидели».

Обсуждения в социальных сетях и «ближнем» круге сформировали критический коммуникативный фон, создав у респондентов восприятие массовости несогласия и желание присоединиться к протесту. В ряде ответов подчеркивается, что ощущение численности играло ключевую роль в готовности участвовать в митингах, а последующее ее снижение вызвало обратный эффект. Мнения друзей оказали влияние не только на «порог честности», но привели обычных граждан на площади: из опроса 4 февраля видно, что четверть участников узнали о митинге благодаря друзьям и родственникам¹.

¹ Опрос проводился Независимым центром исследований современного общества (НЦИСО) – неформальным объединением сотрудников ИПОС СО РАН

«Когда куча народу ценностно с тобой близких что-то делают в публичном пространстве, то это заводит. Там было множество знакомых, которых я знаю, которые мне ценностно-близкие или ценностно-однородные либо которых я просто уважаю, с чьим мнением я соглашаюсь. И какие-то референтные мне лица, люди, с которыми я хотел бы себя ассоциировать».

Участие в гражданских митингах сопровождалось ощущением открытости политических возможностей и политической субъектности: от личного участия и численности митингующих в целом зависело оказываемое воздействие на власть. Вначале протестного движения «недовольные» декларировали важную роль своего региона в общероссийском контексте; движение «За честные выборы» мыслилось как национальное движение с центром в Москве – *«страна, наконец, встает, открывает глаза», «митинги планировались по всей стране».* В последующем отношение существенно трансформировалось – «сила тяжести» с регионов все больше переносится в столицу (*«всем рулит Москва», «у нас в Тюмени это всего лишь группа поддержки от регионов»*).

Таким образом, фреймы мобилизации – ожидание перемен, нечестность, открытость структуры возможностей и массовость протеста – вывели обычных граждан на улицы с требованиями «За честные выборы» и «Против партии жуликов и воров». Однако после первых массовых гражданских протестов в регионах наблюдается отчетливый спад движения: обычные граждане покидают площади, уступая место политическим активистам. На протесты 5 марта по оспариванию итогов президентских выборов вышло гораздо меньшее количество участников, чем на парламентские. На смену общественному воодушевлению приходят фреймы демобилизации – разочарования в коллективных действиях и безуспешности движения. Фрейм разочарования связан как с внешними факторами – контрреакцией власти, так и с проблемами внутри протестного движения – снижением численности участников и отсутствием общей повестки (за исключением «негативного консенсуса»). Масштабные протестные действия воспринимались обычными гражданами исключительной мерой давления на власть, с ними связывалась возможность изменений.

Хотя лозунги с критикой В. Путина появились на самых первых протестах, но они не смогли объединить всех участников, как это произошло с лозунгами «За честные выборы» и «Единая Россия – партия жуликов и воров». Выступления против национального лидера многими респондентами изначально воспринимались проигрышными: если требования честных выборов имели прагматичный характер и шанс на реализацию, то антипутинская риторика выглядела неубедительной:

«Не ходил больше. Против Путина там уже не было смысла, у меня многие знакомые голосовали за Путина».

Несмотря на провал в основных целях движения, респонденты отмечают значимость протестов «За честные выборы» как политического события (проводя сравнения с перестройкой), которое объединило разные публики и привлекло внимание федеральной власти.

Стоит отметить, что среди наших респондентов были представители разных групп: различалась степень вовлеченности в политический процесс: для одних было характерно отсутствие предыдущего (возможно, последующего) интереса к политическим событиям, участие в митинге ими рассматривалось как выплеск недовольства, для других – посещение независимых медиаресурсов (телеканал «Дождь», блог А. Навального, сайт радиостанции «Эхо Москвы», ресурсы националистов) или / и опыт наблюдателя на выборах. В то же время для всех участников было характерно ощущение открытости политических возможностей и политической субъектности: от личного участия и численности митингующих в целом зависело оказываемое воздействие на власть. Несмотря на восприятие митингов как действий против власти, риски подобного участия оценивались незначительно.

Несмотря на широкомасштабную политическую мобилизацию, требования протестующих, с их точки зрения, практически не были услышаны властью. Предлагаемые преобразования расценивались участниками как имитация решения и не соответствовали основной повестке протестной кампании, что сказалось на общем разочаровании:

«Мы ничего не добились, пересмотра никакого не будет и не о каких реальных политических изменениях не идет речь, возникло разочарование» (участник митинга 10 декабря, май 2012 г.)

Смещение повестки с парламентских на президентские выборы также снизило актуальность протестов: часть митингующих

и их близкий круг поддерживали кандидатуру В. Путина, контракции («путинги»), собиравшие до 3 тыс. человек, демонстрировали лояльность граждан к власти.

Заключение

В публичных протестах декабря 2011 г. – сентября 2012 г. в Тюмени значительное, если не преобладающее количество вышедших на улицы оказались «новичками» в гражданско-политической активности. «Новые митингующие» оказались представителями разных групп и публик, их объединял изначально общий коммуникативный фон (распространяемая в социальных сетях и блогах информация о фальсификациях, мемы и символы протеста) и консенсус по поводу лозунга «За честные выборы», который фактически отождествлялся с лозунгом «Против партии жуликов и воров». Мобилизация носила характер «эмоционального заражения»: в определенных микросредах вопросы справедливости результатов выборов интенсивно обсуждались до и после 4 декабря 2011 г., затем шел поиск единомышленников и формирование коммуникативных сетей. Ряд «новых митингующих» работали наблюдателями на выборах, потом они активно распространяли информацию, к ним присоединялись друзья и знакомые. Другие активисты, сравнивая информацию на официальных каналах с информацией из других источников, выходили в силу отождествления себя с «гражданами», права которых были серьезно нарушены.

Массовость первых акций и последовавшая за этим реакция властей стали новыми стимулами для эмоционального заражения и «гражданского воодушевления», в результате 24 декабря на согласованный митинг вышло беспрецедентное количество людей с собственными лозунгами. Однако эта стратегия «голоса» оказалась недолговечной: в условиях бедной организационной среды, перехвата инициативы в публичных акциях политическими игроками (КПРФ, РКРП) и довольно эффективной контрстратегии власти произошла широкая демобилизация участников. Так и не возникло координирующих гражданских структур, региональной повестки дня на митингах, а новые формы протеста (такие, как прогулки) не приобрели популярность. Фокус эмоционального заряда сместился с воодушевления, ощущения открывшихся возможностей и «спра-

ведливого гнева» на разочарование в уличных формах активности и принятие нового положения дел. В результате на «Маршах миллионов» в мае – сентябре 2012 г. осталось лишь 15–20 человек из «новых митингующих».

Проведенное исследование показывает, что протест в разных регионах (включая Тюмень) имел явные сходства: в протесте приняли участие представители разных слоев населения, весомую долю в нем составлял «городской средний класс» – образованные профессионалы, находящиеся в начале или в середине своей карьеры; символы и фреймы декабрьского протеста были одинаковы – это недовольство властью и отчуждение от нее, апелляция к «гражданским чувствам»; протестующих также отличал и общий коммуникативный фон – был явный консенсус вокруг неприятия партии «Единая Россия» и результатов выборов, который имел выраженный эмоциональный характер, именно эти темы обсуждались в Сети, среди друзей и знакомых накануне и после мобилизации.

В то же время нельзя не отметить, что в Тюмени протестная волна пошла на спад быстрее, чем в других городах, даже несмотря на наличие общих черт. Наши данные позволяют предположить, что факторами демобилизации могли послужить следующие причины: бедная организационная среда и отсутствие сильных гражданских площадок для координации и коммуникации между участниками. Так, Совет инициативных групп и граждан, выполнявший с декабря 2011 г. функции по организации протестных акций, в конце концов оказался неэффективным в деле вовлечения гражданских активистов, а других организаций не было и не возникло. В результате множество разрозненных «публик» и микрогрупп – участников декабрьских протестов уже в феврале оказались заново в ситуации самоизоляции, а к марту сошел на нет и эмоциональный фон событий декабря 2011 г. Если первая стадия протеста (декабрь 2011 г. – февраль 2012 г.) отличалась высокой интенсивностью событий и однозначным эмоциональным фоном, подчеркивающим разделение «свои» – «чужие», то после мартовских выборов стало труднее трансформировать «гражданские» чувства в политические требования.

Список литературы

- Russia – Insights From the Changing Country / Fischer S. (ed.) // EUISS Report. – 2012. – February. – N 11. – 76 p.
- Hale H.* The Putin machine sputters: First impressions of the 2011 Duma elections campaign // Russian Analytical Digest. – Bremen, 2011. – December. – N 106. – P. 2–5.
- Lonkila M.* Russian protests on- and offline: FIIA Briefing Paper 98. February 2012. – Личный архив автора.
- Robertson G.* Russian protesters: Not optimistic but here to stay // Russian analytical digest. – Bremen, 2012. – June. – N 115. – P. 2–5.
- Shevtsova L.* Implosion, atrophy or revolution? // Journal of democracy. – Baltimore, 2012. – Vol. 23, N 3. – P. 19–32.
- Snow D., Benford R.* Framing processes and social movements: An overview and assessment // Annual review of sociology. – Palo Alto, 2000. – Vol. 26. – P. 611–639.
- Swader C.S.* Linking normlessness and value change in the post-Communist world // Studia sociologia. – Cluj-Napoca, 2011. – Vol. 56, N 1. – P. 63–94.
- Администрация Тюмени запретила проведение шествия «За честные выборы» // Блог. – 2012. – 26 января. – Режим доступа: <http://luchist.livejournal.com/90387.html> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Алексеевский М.* Кто все эти люди (с плакатами)? // Антропологический форум. – 2012. – № 16. – Режим доступа: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/alekseevsky2.pdf> (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Гельман В.Я.* Трещины в стене // Pro et Contra. – М., 2012. – № 1. – С. 94–115.
- Грин А.* Твитер и российский протест. Мемы, сети, мобилизация: Рабочие материалы ЦИИО. – 2012/1. – М.: РЭШ, 2012. – Режим доступа: <http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%82%D1%82%D0%B5%D1%80-%D0%B8-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D1%8B-%D1%81%D0%B5%D1%82/> (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Губернатор высказал свое мнение о митинге // Сайт Нашгород. ру. – 2011. – 6 декабря. – Режим доступа: <http://www.nashgorod.ru/news/news47029.html> (Дата посещения 27.12.2012.)
- 23 мая в органы власти публично передадут подписи против точечной застройки в Тюмени // Сайт Голоса. Инфо. – Режим доступа: <http://golosa.info/node/6705> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Дольщики ООО «Сиб-Строй» завтра выходят на площадь // Сайт Голоса. Инфо. – Режим доступа: <http://golosa.info/node/4484> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Зубаревич Н.* Четыре России // Ведомости. – М., 2011. – 30 декабря. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii (Дата обращения: 27.10.2012.)
- Левада Ю.* Массовый протест: потенциал и пределы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М., 1997, № 3. – С. 7–12.

- Левада Ю.* Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М., 1999. – № 6. – С. 7–13.
- Липман М.* От редактора // Pro et Contra. – М., 2012. – № 3. – С. 2–3.
- Отчет с митинга против распила городского бюджета // Сайт Голоса. Инфо. – Режим доступа: <http://golosa.info/node/4477> (Дата обращения: 27.10.2012).
- Почему на митинге 4 февраля не будет красно-черных флагов? // Сайт Голоса. Инфо. – Режим доступа: <http://golosa.info/node/6185> (Дата посещения 27.10.2012.)
- Протестные движения 2011–2012. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/protestnye-dvizheniya-2011-2012> (Дата посещения: 14.09.2014.)
- Профсоюзы зовут на митинг! // Сайт ТюмГУ. – 2012. – 12 февраля. – Режим доступа: <http://www.utmn.ru/news/6052> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Рунет обсуждает политическую рокировку Путина-Медведева // Русская служба BBC. 2011. – 25 сентября. – Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/09/110925_putin_medvedev_blogs_overview.shtml (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Семенов А.В.* Эволюция межпартийной конкуренции в Тюменской области // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. – М.: «КМК», 2010. – С. 179–191.
- Совет инициативных групп и граждан. – Б. г. – Режим доступа: <http://golosa.info/sovet> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Шествие в Тюмени // Сайт Революция.ру. – Б. г. – Режим доступа: <http://revolucia.ru/le384.html> (Дата посещения: 27.10.2012.)
- Яницкий О.* Элементы теории социальных движений // Официальный сайт ИС РАН. – 2012. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429> (Дата обращения: 27.10.2012.)